

В. Е. Быкасов
ПЕРВАЯ ГАВАНЬ КАМЧАТКИ

Аннотация. В июне 1716 г. лодья «Восток», ведомая мореходом Н. Треской и казачьим пятидесятником К. Соколовым, вышла из Охотска в море, достигла западного берега Камчатки и, последовательно побывав около устьев рек Тигиль, Хайрюзова и Ича, остановилась на зимовку в лагуне реки Компаковой – ныне Колпаковой. Откуда она 8 июля 1717 г. вернулась в Охотск. В сентябре 1720 г. та же лодья «Восток» во главе с геодезистами И. Евреиновым и Ф. Лужиным во второй раз подошла к западному берегу Камчатки, провела там зиму и летом 1721 г. ушла из устья реки Большой в плавание к Курильским островам. И именно после этого плавания устье реки Большой стало первой официальной гаванью Камчатки. Причём этим своим предназначением и статусом оно было обязано местным жителям, которые накануне появления на Камчатке русских людей в намерении обеспечить идущему на нерест лососю более короткий и удобный доступ в реку, а заодно и облегчить себе вылов рыбы прорыли канал в косе, отделяющей основное русло реки Большой от моря.

Ключевые слова: Охотск, Камчатка, река Большая, Чекавина, лодья «Восток».

V. E. Bykasov
THE FIRST HARBOR OF KAMCHATKA

Abstract. In June 1716, the "Vostok" boat, navigated by sailor N. Treska and cossack man of the fifties K. Sokolov, left Okhotsk, reached the western coast of Kamchatka and, having successively visited the mouths of the Tigil, Khayriuzov and Icha rivers, stayed for the winter in the Kompakova river lagoon – now Kolpakova river. From that place the boat returned to Okhotsk on July 8, 1717.

In September 1720, the same Vostok boat, navigated by land surveyors I. Evreinov and F. Luzhin, approached the western coast of Kamchatka for the second time, spent the winter there and in the summer of 1721 left the mouth of the Bolshaya river to sail to the Kuril islands. And it was after this voyage that the mouth of the Bolshaya river became the first official harbor of Kamchatka. Moreover, by its purpose and status it was obliged to the local tribes. On the eve of appearance of the Russian people in Kamchatka, in an intention to provide a shorter and more convenient access to the river for the spawning salmon, and, at the same time, to facilitate fishing, they had dug a canal directly through the marine sand bar that separates the main channel of the Bolshaya river from the sea.

Key words: Okhotsk, Kamchatka, river Bolshaya, Chekavina, "Vostok" boat.

Как известно, первой морской гаванью Камчатки стало устье р. Большой, чему поспособствовали несколько обстоятельств. Однако прежде чем начать разговор об этих обстоятельствах стоит обратить внимание на изрядную разногласию в описании и датировке событий, связанных с открытием устья реки Большой.

Например, в 1950 г. известный отечественный историк А. В. Ефимов по поводу первого плавания русских людей к Камчатке написал: «Экспедиция послана была в 1714 г. Соорудив открытую лодью, мореход матрос Треска, казак Соколов и их спутники нашли путь по Ламскому морю от Охотска к Камчатке. Следующее плавание они совершили в 1716 г. от Охотска до реки Тигиль и обратно. В том же году было предпринято новое плавание до Хайрюзовки. Из второго плавания экспедиция вернулась в Охотск в июле 1717 г. С этих пор морской путь из Охотска на Камчатку стал постоянным средством сообщения» [5, с. 105]. И хотя, исходя из этого, не очень удачно изложенного, суждения А. В. Ефимова, можно подумать, что лодья «Восток» в 1714–1716 гг. совершила три плавания к Камчатке, он вновь повторил его слово в слово в 1971 г. [6, с. 147–148].

Совершенно иное мнение по этому же поводу высказал Н. Н. Зубов, который написал, что в 1716 г. казачий пятидесятник Кузьма Соколов и мореходы Яков Власов Невейцын и Никифор Моисеев Треска на построенной в Охотске лодье «Охотск» длиной 54 фута совершили плавание к западному берегу Камчатки, перезимовали там и вернулись в Охотск [7, с. 54]. То есть он говорил только об одном плавании лодьи, назвав её при этом «Охотском».

Также об одном плавании говорил и другой известный отечественный историк Б. П. Полевой: «Положение изменилось в 1716 г., когда русские на специально построенном морском судне – крупной лодье – могли совершить первое прямое плавание от устья Охоты к западному побережью Камчатки» [12, с. 30]. Другое дело, что он при этом лодью назвал «Охотой» [там же, с. 32].

Более подробно изложили это событие авторы-составители сборника документов «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века», которые в своём примечании к соответствующему документу сборника отметили, что лодья «Восток» была построена в 75 вёрстах вверх по течению р. Кухтуй и что в июне 1716 г. экспедиция в составе 27 человек во главе с К. Соколовым и мореходом Н. М. Треской отправилась в плавание [13, с. 283]. А затем, сославшись на А. И. Алексеева, сделали окончательный вывод о том, что итогом плавания лодьи «Восток» явилось открытие морского пути из Охотска на Камчатку [там же], но так и не назвали при этом места пребывания лодьи на западном побережье полуострова.

Сам же А. И. Алексеев говорил, что лодья «Восток», ведомая мореходом Никифором Моисеевым Треской и казачьим пятидесятником Козьмой Соколовым, вышла из Охотска в море в июне 1716 г. [1, с. 30–31]. Причём судно после первого приближения к берегу полуострова в районе р. Тигиль восточным штормовым ветром было унесено на запад – к берегам, окаймляющим Тауйскую губу. И лишь когда ветер переменялся, лодья вновь отправилась к берегам Камчатки. При этом мореходы последовательно высаживались в устьях рр. Тигиль, Хайрюзовка, Ича и Крутогорова. И, наконец, достигнув р. Компаковой (ныне – Колпакова), они оставили судно в её устье на зимовку, откуда лодья 8 июля 1717 г. вернулась в Охотск [там же, с. 32].

Как видим, оценки событий, связанных с первым морским плаванием к Камчатке, разнятся друг от друга как по месту постройки лодьи и её названию, так и по числу её плаваний к берегам полуострова и посещённых при этом мест. Но при этом все авторы приведённых сведений ничего не говорили ни о р. Большой, ни об её устье.

Камчатские исследователи почему-то решили, что лодья «Восток» своё первое плавание к Камчатке завершила открытием устья р. Большой. В частности, В. П. Мартыненко написал: «...именно к устью реки Большой в 1716–1717 годах было совершено первое в русской истории плавание через Ламское (Охотское) море из Охотска. Экспедицию на лодье "Восток", проложившую кратчайший путь от азиатского материка к полуострову Камчатка, возглавляли якутянин Козьма Соколов и архангельский помор Никифор Треска» [11, с. 139].

Повторил это мнение и С. В. Гаврилов, который в своём предисловии к книге Д. П. Логинова «Большерецкий острог» сказал: «В 1716–1717 годах казак-мореход К. Соколов совершил на судне, построенном в Охотске, плавание вдоль берегов Ламского (Охотского) моря и открыл кратчайший путь на Камчатку к устью реки Большой» [10, с. 6].

Что же касается самой книги Д. П. Логинова, то в ней об этом событии говорится так: «...наивысшая выгода от расположения Большерецкого острога выявилась после открытия в 1715 году морского пути на Камчатку из Охотска» [там же, с. 21]. Правда, не исключается, что при этом в авторский текст вкралась опечатка в дату события. Тем не менее, сам Д. П. Логинов также привязал конечный пункт первого плавания русских мореходов к Камчатке к устью р. Большой.

Что же касается дальнейших событий, то в последующие два года в Охотске по указу Петра I усиленно занимались подготовкой экспедиции Якова Агеевича Ельчина. Однако в силу разных причин деятельность этой экспедиции при широко заявленных целях ограничилась всего лишь посещением Шантарских островов. А потому во второй раз та же лодья «Восток» во главе с геодезистами Иваном Михайловичем Евреиновым и Фёдором Фёдоровичем Лужиным подошла к камчатскому берегу лишь в сентябре 1720 г. [1, с. 36]. Здесь, как считал А. И. Алексеев, лодья провела зимовку в лимане р. Ичи, откуда она ранней весной 1721 г. переехала в устье р. Большой и затем, 22 мая 1721 г., отправилась в своё плавание вдоль Курильских островов.

Несколько иначе оценивает это событие Б. П. Полевой, согласно которому лодья, следуя осенью 1720 г. тем же путём, каким она подошла к берегу Камчатки в 1716 г., доплыла до устья р. Ичи, откуда «...Евреинов и Лужин посуху проехали в Нижне-Камчатск, а мореход Б. Выродов довёл лодью до Большой реки, где она и зазимовала» [12, с. 31].

То есть и в этом случае должно единодушие в определении места зимовки лодьи «Восток» и в дате первого появления русских судов в устье р. Большой также не обнаруживается.

Исходя из этих последних данных, можно уверенно говорить о том, что только после 1721 г. устье р. Большой стало первой официальной гаванью Камчатки, которую затем практически каждый год посещало очередное судно из Охотска, привозя людей, снаряжение и пропитание и увозя собранный ясак. Причём этому превращению устья р. Большой в морскую гавань поспособствовало, как уже говорилось, несколько обстоятельств, к рассмотрению которых я и перехожу.

Начну же с того, что, во-первых, Большерецк на то время был единственным на всём западном берегу Камчатки русским поселением. На других крупных реках этого побережья, на той же Крутогоровой, например, русские появлялись лишь эпизодически, для сбора ясака.

Во-вторых, хотя казаки к этому времени уже неоднократно плавали на байдарках от р. Большой до м. Лопатка и из Авачинской губы до той же Лопатки к югу и до Кроноцкого полуострова к северу, морские суда из Охотска вокруг Камчатки вплоть до 1728 г. не ходили. И не ходили потому, что на байдарках можно было при малейшей опасности высадиться на берег в устье даже самой малой речки, тогда как морские суда в устья (лагуны) некоторых крупных рек могли войти только во время полного прилива, да и то при условии хорошей погоды. Вспомним, например, что в 1727 г. корабли Первой Камчатской экспедиции по этим причинам так и не решились уйти от устья р. Большой к устью р. Камчатки.

Ну и, наконец, в-третьих, ещё одной причиной послужила сама по себе гидрографическая обстановка, сложившаяся к тому времени в районе устья р. Большой.

И действительно, вот что, например, говорил об этом С. П. Крашенинников в своём «Пятом рапорте Гмелину и Миллеру от 14 ноября 1737 г.»: *«К устью Большой реки пришли октября 14 дня часу в 9 прежде полудни, в которое за убылою водою и за боковым ветром войти не могли, но как только вбежали в самые валы, которые беляки называются, а ветер в то время был N очень сильной, то валами, которые уже через судно ходили, едва его не потопило. Между тем, бросили якорь, чтоб, дождався прибывлой воды, войти в устье, но и того невоспоследовало, потому что судно на якоре удержаться не могло, но помалу валами подавало его к берегу и спустя с полчаса, от устья Большой реки сажнях в 100 выкинуло на низменную кошку, чрез которую в полновы воды морской вал ходит. Оная кошка в том месте шириной сажен на 50, с одну сторону её море, с другую устье Большой реки, а с третью залив от рек Большой и Озерной, которые устьями вместе сошлись»* [8, с. 485]. Из этого следует, что потерпевшие катастрофу 14 октября 1737 г. люди оказались на левой стороне устья р. Большой потому, что во время отлива сильный северный ветер оттащил судно к югу от устья реки, отчего они, не имея возможности уйти на север в Большерецк пешком, ровно неделю ожидали подмоги, прибывшей к ним на батах.

Что же касается места расположения тогдашнего устья р. Большой, то в самом «Описании земли Камчатки» о р. Озерной, вытекающей из оз. Большого, образованного в результате отчленения неглубокой приморской котловины (бывшего залива?) морской косой, некогда перегородившей прямой сток в море водами нескольких малых рек, приводятся следующие сведения: *«Первая Озёрная, а по Камчатски Куакуачь, которая вышла верстах в 25 из озера и, продолжая своё течение с югу на север подле самого моря, соединяется с нею (с Большою рекой. – В. Б.) у самого моря»* [9, с. 28]. Следовательно, в 1737 г. совместное устье рр. Озерной и Большой располагалось не в 34 км от места впадения р. Амчигачя, в Микояновский лиман, как сейчас, а примерно в 9 км.

Подтверждает это представление и описание С. П. Крашенинниковым р. Чекавиной, о которой он сперва написал так: *«Между Озерною и Большою реками есть губа в длину и ширину версты по две, которая во время морского прилива водою поднимается, а во время отлива обсыхает»* [там же, с. 28]. А затем уточнил: *«Чекавина, по Камчатски Шхачу, речка от устья Большой реки верстах в двух, бежит с южной стороны из болот в недалеком расстоянии находящихся. Примечания достойна потому, что в ней морские суда зимуют, чего ради там и казарма для караульных и кладовые анбары от Камчатской экспедиции построены. Суда заводятся в оную во время прибывлой воды, а в убылую воду так она узка, что через [неё] перескочить можно, и так мелка, что суда на бока валются; однако от того не бывает им повреждения, для того что дно её мякко»* [там же, с. 29].

То есть р. Чекавина никак не могла быть р. Начиловой, как считал студент А. Горланов, сменивший на Камчатке С. П. Крашенинникова [11, с. 139]. Река Начилова впадает в р. Большую в 20 км от морского побережья, куда прилив доходить никак не мог. К тому же и дно её сложено галькой, а не мягким песком и илом.

Итак, особенностью устья р. Чекавиной (Чекавы – в просторечии), названной так русскими по имени проживавшего на ней камчадала Чекавы, было то, что дно её во время отлива обсыхало почти полностью, а потому здесь было удобно производить разгрузку и погрузку судов. Да и волнения в этой малой гавани не достигали таковой силы, как в более обширном Микояновском лимане.

Вместе с тем, Чекавинская гавань была доступна для входа судов только во время полного прилива, высота которого на морской стороне кошки, по наблюдениям С. П. Крашенинникова [9, с. 27], достигала без малого 8–9 парижских фунтов, или 4 русских аршина, то есть 2,5–2,8 м.

Правда, высота прилива в южной оконечности Микояновского лимана, по данным С. Л. Горина и А. А. Попрядухина, не превышает 2,25 м [3]. Однако эта разница объясняется тем, что в 25–26 км от нынешнего устья р. Большой дно речного русла располагается примерно на полметра выше, чем в районе её нынешнего устьевго створа.

Впрочем, и этих 2,0–2,25 м подъёма воды было вполне достаточно для входа в Чекавину бухту даже таких крупных кораблей того времени, как бригантина «Архангел Михаил» (длина 21, ширина 6,3, глубина трюма 2,6 м) и дубель-шлюпка «Надежда» (длина 24,5, ширина около 6, глубина трюма 1,8 м).

В связи с упоминанием о приливах нелишне будет заметить, что С. Л. Горин и А. А. Порядин называли всю приустьевую часть р. Большой эстуарием [3]. Однако эстуарии как таковые представляют собой глубокое воронкообразное расширение речного русла, напрямую выходящего в океан, море, морской пролив или морской залив. При этом на входе в эстуарии бары и косы обычно отсутствуют. Поэтому даже современные морские суда в самые большие эстуарии и впадающие в них реки поднимаются вверх на десятки километров. Так это происходит на Амазонке, Конго, Св. Лаврентия, Темзе, Енисее и некоторых других реках. Тогда как самые нижние течения рр. Амчигачи и Большой вкуче с р. Озерной и оз. Большим представляют собой единую и сложную гидрологическую систему, состоящую из серии лиманов, соединённых друг с другом лагунами, вместе с 34-километровой морской косой, отделяющей их от моря.

Итак, в 1737 г. совместное устье рр. Озерной и Большой располагалось всего лишь примерно в 9 км от места подхода к морской коске р. Амчигачи. При этом р. Большая, размывая левый берег своего тогдашнего устья, каждый год смещала свой выход в море к югу, создавая тем самым дополнительные трудности для входа судов. В 1738 г. на косе левого берега устья р. Большой моряками и мастеровыми бота «Св. Гавриил» во главе со штурманом И. Елагиным был построен высокий деревянный маяк, который, как позднее написал А. С. Сгибнев, через несколько лет был смыт отступающим к югу устьем реки [14, с. 56]. А в 1750 г. это прямое устье и вовсе было замято [там же].

Кстати, эти данные А. С. Сгибнева являются, пожалуй, первым в исторической литературе свидетельством о прямом русле (устье) р. Большой. Во всяком случае, лично мне у того же С. П. Крашенинникова слова «прямое русло» не встречались. Но в таком случае возникают вопросы – что же представляло собой это «прямое русло» и чему оно было обязано своим появлением?

Ответы на эти вопросы были даны ещё Карлом фон Дитмаром, который, спустя 35 лет после своего пребывания на Камчатке в 1751–1855 гг., написал: *«Говорят, в прежние дорусские времена мешкообразный залив Большой реки, в настоящее время идущий очень далеко на юг, открывался в море именно южным концом, но камчадалы, тогда здесь жившие, надумали перекопать косу против устья реки, чтобы устроить для проходной рыбы более близкий и более удобный для её лова путь. Это кончилось тем, что во время работ дамбу вдруг прорвало и много народу погубило в хлынувшей сразу воде. Скоро после этого старый, южный проток совсем замело волнами. Через новый, искусственно проделанный значительно более к северу проток, потом, в первое время русского владычества – время процветания Большерецка – в залив заходили на стоянку суда, как в спокойную, глубокую гавань. Против устья этого залива в море, на стороне материка, у самого впадения р. Большой, в залив (Поворот), возникло небольшое селение Чекавка, где выгружались товары, назначенные в Большерецк. Здесь стояло несколько жилых домов, много магазинов и маяк со слюдяными стёклами для указания судам устья Большой. Чекавка была, собственно, гаванью Большерецка, расположенного верстах в 20 (на самом деле в 30 с лишним. – В. Б.) выше, и служила для Камчатки в продолжение многих лет единственным пунктом, при посредстве которого через Охотск полуостров находился в общении с Россией»* [4, с. 436].

То есть прямое устье р. Большой, превратившее её приустьевую часть (совместно с устьем р. Чекавины) в довольно удобную морскую гавань, было сотворено местными жителями, проживающими в нижней части долины р. Большой.

Однако это свидетельство К. Дитмара, как и свидетельство А. С. Сгибнева, также не привлекло внимание исследователей. И лишь совсем недавно Д. П. Логинов привёл данные ещё о двух случаях спрямления русла р. Большой: *«Чтобы укоротить путь горбуше, идущей с моря, и тем самым ускорить её появление в реках, по рассказам отца в кошке два раза прорывали канал, но с течением времени он снова заносился морем»* [10, с. 40–41]. Правда, он при этом так и не назвал даже приблизительных дат этих событий. Однако, судя по тому, что узнал он о них со слов своего отца, описанные им события явно происходили уже после отъезда К. Дитмара с Камчатки.

Судить об этом позволяет и быстрота продвижения устья р. Большой к югу, которое после последнего по времени существования искусственного канала настолько далеко «ушло», что р. Озерная как таковая практически перестала существовать.

Такая же скорость замывания прямого устья отмечалась у других рек полуострова. Вот что, например, говорил о рукотворных каналах кошки р. Камчатки В. И. Борисов: *«К 1820 году устье переместилось значительно южнее селения, примерно в 13 вёрстах...»*

Устье было очень мелководное, а течение так сильно, что рыба, пройдя по устью, практически в верховье не поднималась, а нерестилась в Нерпичьем озере. Местные жители обратились к проезжему иностранцу (англичанину) и под его руководством прорыли новое русло, примерно на месте современного.

К 1850 году устье вновь отодвинулось намного к югу. Но в июне 1858 года, во время очень высокого паводка, река прорвала косу примерно в том же месте, где располагался канал.

На рубеже XIX–XX веков устье реки находилось в шести-семи вёрстах южнее современного.

В 1916 году местные жители вручную прорыли новое устье, напротив селения.

Последнее изменение устья произошло в 1943 году, когда устькамчатцы вручную прокопали новое русло» [2, с. 53–54].

Итак, скажу в заключение, что русла рек на низменных участках морских побережий Камчатки очень быстро восстанавливали нарушенное людьми относительное равновесие между процессами перемещения и аккумуляции аллювия, устанавливающееся в результате взаимодействия речных и приливно-отливных течений. Вот отчего хозяйственная деятельность человека в пределах таких легкоранимых и быстро изменяющихся природных объектов, как морские кошки, должна быть предельно продуманной. В частности, это касается и проекта по предполагаемому строительству в районе устья р. Большой глубоководного причала. Его возведение грозит, как минимум, изменением характера и режима вдольберегового морского течения, либо, как максимум, разрушением возведённого объекта, а отсюда и вполне возможным отрицательным воздействием на условия захода лосося в р. Большую.

Так что наверное лучше будет ограничиться прокладкой асфальта на существующей большещерецкой автомобильной трассе вплоть до её выхода к морскому побережью, а не браться за превращение в жизнь амбициозного проекта только потому, что его хотят осуществить зарубежные инвесторы. При этом разгрузку и погрузку стоящих на рейде судов можно будет осуществлять при помощи специально для этого оборудованного и достаточно большегрузного судна на воздушной подушке, способного заходить в реку и в прилив, и в отлив даже при не очень сильном волнении моря. А в тихую погоду и вовсе выходить на берег в том месте, где автомобильная дорога выходит на морскую кошку.

Впрочем, на этом я и завершу описание истории с устьем р. Большой, ставшей первой искусственной гаванью Камчатки. И разве что добавлю, что заинтересованное прочтение широко известных исторических фактов иногда может привести к иной, отличной от общепринятых точек зрения, их интерпретации.

1. *Алексеев А. И.* Охотск – колыбель русского тихоокеанского флота. Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1958. 158 с.
2. *Борисов В. В.* Пойдем ныне по своему Отечеству. Усть-Камчатск, 1993. С. 51–57.
3. *Горин С. Л., Попрядухин А. А.* Приливная изменчивость гидрологических характеристик в русле эстуария реки Большой (Западная Камчатка) // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей : материалы XVIII Междунар. науч. конф., 15–16 нояб. 2017 г. Петропавловск-Камчатский, 2017. С. 79–83.
4. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2009. Часть первая : Исторический отчет по путевым дневникам. 570 с.
5. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах (XVII – первая половина XVIII вв.). М. : Географиз, 1950. 318 с.
6. Он же. Из истории великих русских географических открытий. М. : Наука, 1971. 300 с.
7. *Зубов Н. Н.* Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов. М. : Географиз, 1954. 474 с.
8. Пятый рапорт Гмелину и Миллеру от 14 ноября 1737 г. // *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2018. С. 484–491.
9. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. СПб. : Наука, 1994. Т. 1. 438 с.
10. *Логинов Д. П.* Большещерецкий острог. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2012. 240 с.
11. *Мартыненко В. П.* Камчатский берег. Историческая лоция. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1991. 188 с.
12. *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1982. 207 с.
13. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М. : Наука, 1984. С. 320.
14. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк важнейших событий в Камчатке // Вопросы истории Камчатки / сост. С. В. Гаврилов. Петропавловск-Камчатский, 2005. Вып. 1. С. 5–103.